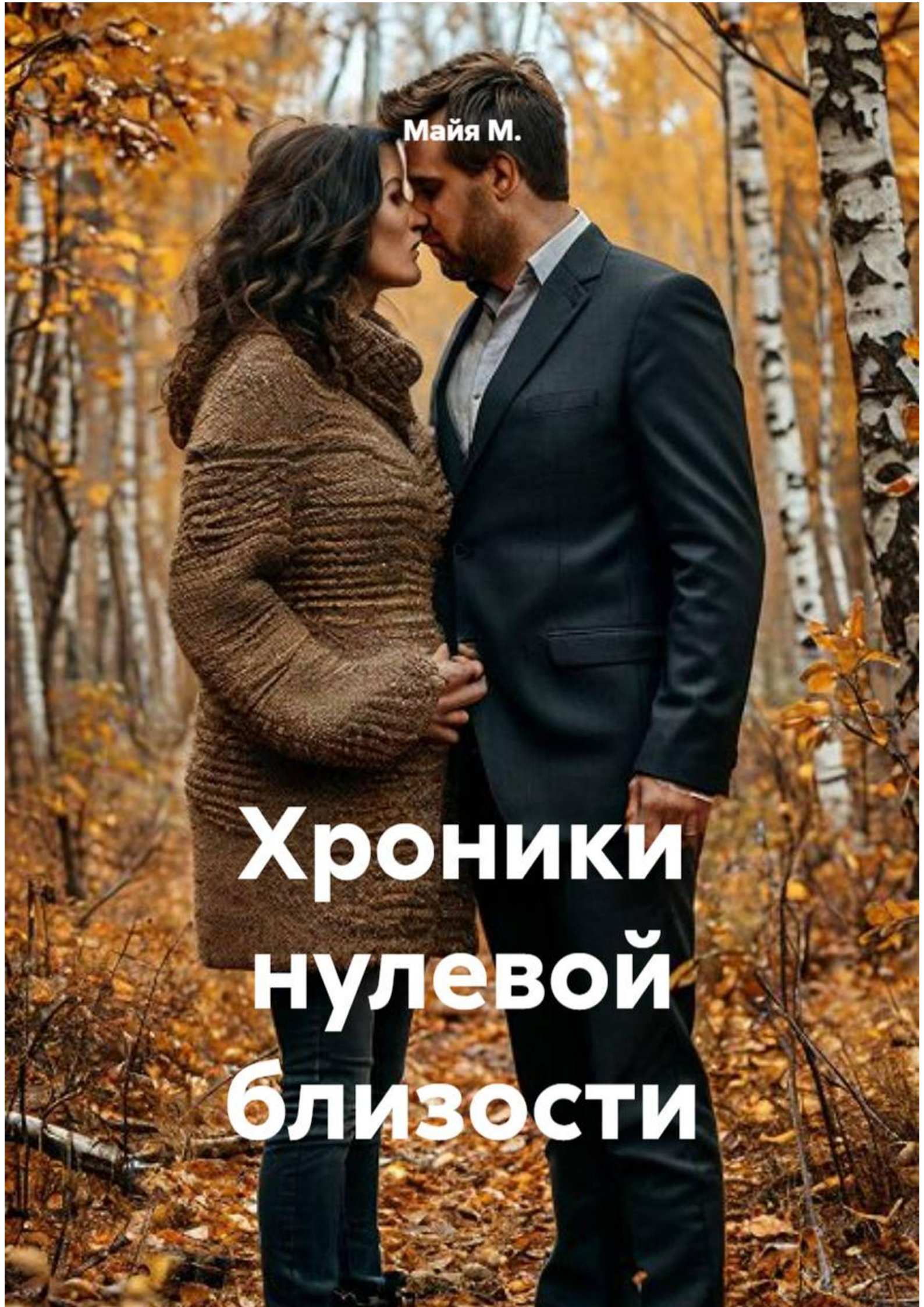

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing, in a forest during autumn. The woman, on the left, has long dark hair and is wearing a thick, textured brown knit sweater. The man, on the right, has short brown hair and is wearing a dark grey suit jacket over a light-colored shirt. They are standing on a path covered with fallen yellow and orange leaves. The background consists of birch trees with white bark and some yellowing foliage. The overall mood is intimate and romantic.

Майя М.

Хроники нулевой близости

Майя М.

Хроники нулевой близости

«Автор»

2026

М. М.

Хроники нулевой близости / М. М. — «Автор», 2026

Пара разводится после пятнадцати лет брака. Пытаясь понять, в какой момент исчезла любовь, они заключают необычный договор: месяц живут под одной крышей и каждый вечер воспроизводят ключевые моменты своей интимной жизни — от первого поцелуя до последней ссоры. Погружаясь в прошлое, они переживают боль, обиды и тайны, стирая границы между ролью жертвы и агрессора. Этот мучительный эксперимент становится для них либо точкой невозврата, либо шансом на возрождение. Романтическая драма о том, что заново обрести утраченную близость возможно, даже когда кажется, что всё потеряно.

© М. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Соглашение о намерениях	5
Глава 2. Две полосы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Майя М. Хроники нулевой близости

Глава 1. Соглашение о намерениях

Спальня встретила их застоявшейся тишиной, той особенной, густой тишиной, какая бывает только в комнатах, где долго никто не разговаривал друг с другом по-настоящему. Воздух пах пылью, забвением и едва уловимо — её духами, всё ещё витавшими в складках портьер, и его одеколоном, вьёвшимся в деревянную спинку кровати. Вера стояла у окна, глядя на октябрьский дождь, барабанивший по стеклу с монотонной настойчивостью метронома, отсчитывающего последние секунды прежней жизни. Она поправила и без того идеально лежавшую складку на рукаве домашнего платья — жестом, выдававшим её волнение, хотя лицо оставалось бесстрастным, словно фарфоровая маска.

Андрей вошёл без стука — да и какой стук мог быть в доме, где они прожили пятнадцать лет? Его шаги она узнала бы из тысячи: чуть более тяжёлый шаг левой ногой, результат давней травмы мениска, полученной на горнолыжном курорте в Шерегеше, когда они ещё смеялись, катаясь с гор, и падали в сугробы, запорошённые снегом, хрустящим, как сахарная вата. Теперь этот звук не вызывал ничего, кроме глухого, вязкого раздражения, смешанного с тоской — той самой, что подступает к горлу при взгляде на старые фотографии, которые не решаешься выбросить.

Он остановился в дверном проёме, сложив руки на груди. Она не обернулась, но по отражению в тёмном стекле видела его силуэт: всё та же прямая спина, широкие плечи, чуть посебрённые виски, делавшие его ещё более значительным. Когда-то от одного этого отражения у неё перехватывало дыхание. Сейчас она лишь отметила про себя, что он сменил рубашку на тёмно-синюю, ту, что она подарила ему на позапрошлый Новый год — как будто специально выбрал что-то из прошлого, чтобы сделать этот момент ещё более невыносимым.

— Ты пунктуальна, — произнёс он. Голос звучал глухо, словно пробивался сквозь несколько слоёв ваты.

— Мы договорились на девять, — ответила она, не поворачиваясь. — Я не вижу смысла опаздывать на собственные похороны.

— Это не похороны, Вера.

— Тогда что же это?

Она наконец обернулась. Их взгляды встретились — впервые за несколько месяцев так прямо, без обычной уклончивости, с которой двое бывших супругов обходят друг друга в общей квартире, делая вид, что каждый погружён в свои дела. В его карих глазах она увидела ту же смесь решимости и страха, что пульсировала и в её собственной груди.

— Это вскрытие, — сказал он. — Только пациент ещё дышит. И мы сами себе патологоанатомы.

Вера чуть усмехнулась, но усмешка вышла кривой, горькой.

— Красиво формулируешь. Архитектор, что с тебя взять. Даже развод у нас какой-то... структурированный.

— А ты хотела бы скандалов, битья посуды и дележа вилок через суд? — он шагнул в комнату и плотно прикрыл за собой дверь. — Мы не так прожили пятнадцать лет. Глупо заканчивать истерикой.

— Мы и не истерикой заканчиваем, — она прошла к изножью кровати, провела ладонью по тёмно-бордовому покрывалу, разглаживая несуществующие морщины. — Мы заканчиваем чем-то гораздо более странным. Ты отдаёшь себе отчёт, что нормальные люди, получив на

руки свидетельство о расторжении брака, разъезжаются, а не заключают... как ты это назвал? «Садомазохистский договор»?

— Термин твой, — напомнил он, подходя к противоположной стороне кровати. Между ними лежало пространство размерами два на два метра — расстояние, которое за последние годы стало непреодолимой пропастью. — Ты сама сказала: «Давай сделаем себе больно настоящему, раз уж мы всё равно убиваем друг друга». И предложила этот месяц. Я лишь уточнил условия.

Вера поджала губы. Да, она действительно произнесла эти слова неделю назад, когда они сидели на кухне после выхода от нотариуса, и воздух между ними звенел от напряжения, готовый взорваться. Она помнила каждую деталь того вечера: как пахло пригоревшим луком — он пытался что-то готовить, но забыл про сковороду; как дрожали у него пальцы, когда он разливал по рюмкам коньяк, доставленный из бара, который они когда-то вместе выбирали в салоне итальянской мебели; как за окном выла сирена скорой помощи, и звук этот казался до жути уместным, словно саундтрек к финальным титрам их брака. Она сидела, сжимая в руках чашку с давно остывшим чаем, и смотрела на лежащее на столе свидетельство о расторжении брака. Бумажка с гербовой печатью. Пятнадцать лет — одна бумажка.

И тогда её прорвало. «Когда? — спросила она, и голос её, против воли, сорвался на крик. — Когда мы свернули не туда? В какой именно момент? Где та точка бифуркации, в которой наша общая вселенная начала схлопываться? Ты можешь мне сказать, Андрей? Ты, который привык всё проектировать, чертить, рассчитывать нагрузки, — можешь сказать, где треснул наш фундамент?» Он молчал, глядя в свою рюмку, и молчание это было страшнее любых обвинений. Он не знал. Она не знала. Они просто оказались здесь — в точке замерзания, где двое чужих людей делят нажитое и не знают, куда деть общую память.

И тогда в ней, поднявшись откуда-то из самых тёмных глубин обиды и невысказанной боли, родилась идея. Безумная, невозможная, абсурдная. «Давай вернёмся, — прошептала она, и её собственный голос показался ей голосом постороннего человека. — Давай проживём всё заново. Не в разговорах, не в психоаналитических бреднях. Физически. Каждый вечер — один эпизод. Наш первый поцелуй. Первая близость. Свадебное путешествие. Рождение Даши. Ссоры, примирения, болезни, праздники. Восстановим хронологию. Будем вспоминать телом, а не головой. Потому что голова уже всё забыла. А тело... тело, возможно, ещё помнит». Андрей посмотрел на неё тогда диким, непонимающим взглядом. Потом в его глазах зажёгся опасный, мрачный огонёк. «Это похоже на пытку», — сказал он. «Да, — согласилась она. — Но если мы действительно хотим понять, где умерли, — надо пройти по всем кругам. Заново. Осознанно. Месяц. Я даю тебе месяц. А потом мы разойдёмся навсегда, как и планировали, и никто никогда не узнает об этом договоре».

Ночью она не спала, думая, что он сочтёт её сумасшедшей. Но наутро он принёс ей испитый лист бумаги — своей рукой, архитектурным каллиграфическим почерком. Список эпизодов. Тридцать пунктов — по числу дней в месяце. Начиная с их встречи на набережной, заканчивая вчерашним молчаливым ужином, последним перед походом к нотариусу. «У нас получится не совсем месяц, — заметил он буднично. — Февраль — двадцать восемь дней. Можно сократить до двадцати восьми пунктов. Или сделать по числу лет — пятнадцать ключевых сцен». Она посмотрела на список и вдруг почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Рядом с каждым пунктом он проставил даты. Оказывается, он помнил. Помнил дату их первой ссоры — семнадцатое апреля. Помнил день, когда они купили эту квартиру и впервые занялись любовью на ещё не распакованном диване. Помнил всё. И от этого знания стало страшно и одновременно — немного легче. Как будто доказательство того, что их жизнь действительно была, существовала, не приснилась.

Они утвердили правила: каждый вечер, ровно в девять, встреча в спальне. Никаких предварительных разговоров, никаких «пропусков». Каждый эпизод должен быть воспроизведён

максимально точно — с теми же словами, прикосновениями, жестами, насколько позволяет память и физические обстоятельства. Никакого притворства, но и никаких комментариев из настоящего — только погружение в прошлое, каким бы болезненным оно ни было. Если один не выдерживает и срывается — эксперимент прекращается, они немедленно подписывают соглашение о разделе имущества и расстаются врагами навсегда. Если выдерживают месяц до конца — получают право на последний разговор. Только один. Где можно будет сказать всё, что осталось недосказанным, и принять окончательное решение: разойтись навсегда или... или попытаться воскресить то, что, возможно, ещё можно воскресить.

Теперь, стоя в спальне перед началом первого эпизода, Вера ощутила, как страх поднимается от живота к горлу, сковывая дыхание. Договор, написанный на бумаге, казался абстракцией. Реальность же — эта комната, эта кровать, этот мужчина напротив — оказалась куда более пугающей. Она украдкой взглянула на часы: ровно девять. Он выключил верхний свет, оставив только ночник на прикроватной тумбочке — золотистое, тёплое сияние, в котором все предметы приобретали размытые, почти сюрреалистические очертания.

— День первый, — произнёс он глухо. — Двадцать шестое ноября, две тысячи восьмого года. Ты помнишь этот день?

— Помню, — её голос прозвучал хрипло. — Шёл снег. Первый снег в том году. Набережная Фонтанки. Мы возвращались с конференции, и ты предложил прогуляться пешком до Московского вокзала, хотя до поезда оставался час и все нормальные люди поехали бы на метро.

— А ты согласилась, — уголок его губ дёрнулся в подобии улыбки. — И твои замшевые сапоги промокли насквозь, но ты молчала и героически хлюпала носом, делая вид, что так и надо.

— Я не хотела прерывать тебя. Ты рассказывал про Гауди и принципы органической архитектуры. У тебя горели глаза. Я никогда не видела, чтобы у человека так горели глаза при разговоре о криволинейных фасадах.

— А ты тогда сказала, что Барселона — твой любимый город, и что Гауди похож на волшебника, превратившего камень в воду. Я запомнил эту фразу.

— Я её вычитала в путеводителе, — призналась Вера, и на её губах появилась почти настоящая улыбка — впервые за много недель. — Хотела казаться умнее, чем есть.

— Я догадывался, — он усмехнулся, и от этой усмешки у неё что-то больно сжалось в груди. — Но мне было всё равно. Ты стояла у парапета, снежинки запутались в твоих волосах, и ты была такая... настоящая.

Они замолчали. В комнате стало слышно, как капли дождя стучат по подоконнику — та же вода, что когда-то была снегом, теперь возвращалась к ним с неба, только в другой форме. Как и они сами.

— Давай попробуем, — выдохнула она наконец. — Как именно мы договорились? Воссоздаём обстановку? Первый поцелуй состоялся там, у воды. Здесь нет набережной.

— Здесь есть пространство, — сказал Андрей, делая шаг к ней и протягивая руку. — И есть память. Представь, что мы там. Снег. Холод. Я стою рядом, говорю что-то про архитектуру, ты смотришь на меня, а потом вдруг — молчание. И мы оба понимаем, что сейчас что-то произойдёт.

Она посмотрела на его протянутую ладонь. Ту самую ладонь, которую она держала тысячи раз — в кинотеатрах, в больничных палатах, на похоронах его матери, при рождении дочери. Ладонь с линией жизни, которая, как ей когда-то нагадала цыганка, дважды пересекается с линией судьбы. Сейчас эта ладонь висела в воздухе, приглашая её вернуться на пятнадцать лет назад.

Она протянула руку в ответ, и их пальцы встретились. Прикосновение было почти электрическим — тактильная память проснулась мгновенно, отозвавшись во всём теле волной

мурашек. Его кожа была тёплой, чуть шершавой от постоянной работы с кульманами и планшетами, и такой знакомой, что у неё перехватило дыхание. Она вспомнила: тогда, в две тысячи восьмом, она тоже вздрогнула от неожиданности, когда он коснулся её руки, снимая упавшую снежинку с ресницы. Жест, который не значил ничего — и значил всё.

— Здесь холодно, — прошептала она, закрывая глаза, чтобы лучше представить. — Мне нужно идти, иначе мы опоздаем на поезд, а у меня билет в плацкарт, и я не хочу, чтобы проводница заняла моё место.

— Успеем, — ответил он, и голос его изменился, стал моложе, легче — он тоже пытался войти в роль. — Ты когда-нибудь смотрела на снег над водой? Он исчезает, даже не коснувшись поверхности. Как будто и не было.

— Мы тоже исчезнем, — произнесла она слова, которые, она помнила точно, не говорила тогда, но которые вертелись у неё в голове все эти годы. — Когда-нибудь. Все мы. Так зачем откладывать жизнь на потом?

— Вот именно, — он взял её вторую руку, и теперь они стояли друг напротив друга, сцепив пальцы, как подростки перед медленным танцем. — Я хотел тебе кое-что сказать. Тогда. И не сказал.

— Что? — она распахнула глаза и увидела, что он смотрит на неё в упор, и в его взгляде — нежность, та самая, давно забытая, погребённая под слоями обид, усталости, взаимных претензий. Нежность, которую, казалось, убила проза жизни, — но вот она, жива.

— Я боялся, — признался он. — Что ты исчезнешь. Как этот снег. Что ты уедешь в свой Петербург, и я больше никогда тебя не увижу. А я только что встретил человека, с которым хотел бы прожить всю жизнь.

У Веры защипало в носу. В горле встал ком, который она судорожно попыталась проглотить. Тогда он не сказал этих слов. Тогда он просто поцеловал её — внезапно, почти грубо, в губы, когда она на секунду замолчала, переводя дыхание после быстрой ходьбы. И она ответила, потому что ждала этого поцелуя с первой минуты их знакомства, хотя ни за что не призналась бы в этом даже себе.

— А сейчас? — спросила она, нарушая правило не комментировать настоящее. Плевать на правила. — Сейчас ты тоже боишься, что я исчезну?

— Сейчас ты уже исчезла, — ответил он, и его пальцы сжали её запястья до лёгкой боли. — Ты исчезла постепенно, незаметно, год за годом. И я исчезал вместе с тобой. Поэтому мы здесь. Чтобы понять, когда перестали видеть друг друга.

По его щеке скатилась слеза — одна-единственная, но в полумраке спальни она блеснула как осколок зеркала. Вера не помнила, когда в последний раз видела его плачущим. Кажется, когда хоронили его отца. Он не плакал даже в самые страшные моменты их семейных войн. А теперь — плакал. И от этого зрелища в её груди что-то разжалось, какая-то пружина, которую она затягивала годами, стараясь быть сильной, рациональной, непробиваемой.

— Поцелуй меня, — сказала она, глядя ему в глаза. — Как тогда. Без слов. Просто.

Он отпустил её руки и шагнул ближе. Она почувствовала тепло его тела, запах одеколона с нотами кедра и цитруса, и этот запах ударил по обонятельным рецепторам, вызывая каскад воспоминаний: их первое совместное утро в съёмной квартире на Петроградке, когда он сварил ей кофе и принёс в постель; их поездка в Париж, где они целовались на фоне Эйфелевой башни, как миллионы туристов до них, но им казалось, что они — единственные во вселенной; роддом, куда он примчался прямо с переговоров, и его лицо, серое от волнения, когда он услышал крик новорождённой Даши. Всё это пронеслось в одно мгновение, как кинолента, прокрученная на перемотке.

Он наклонился. Его губы коснулись её губ — сначала нерешительно, почти целомудренно, словно спрашивая разрешения. Она ответила коротким движением, чуть приоткрыв рот. И тогда поцелуй изменился: стал глубже, требовательнее, отчаяннее. Он обхватил её лицо

ладонями, как делал всегда, и этот жест был настолько родным, что у неё подкосились колени. Она вцепилась в его плечи, чувствуя под пальцами напряжённые мышцы, и внезапно осознала, что они не просто воспроизводят прошлое — они создают новое. Ни один поцелуй в их жизни не был таким: в нём смешались горечь потери, ярость, тоска по утраченному, надежда, страх, нежность и отчаяние. Они целовались так, как будто от этого зависело, продолжит ли Земля вращаться вокруг Солнца.

Когда он отстранился, оба тяжело дышали, словно пробежали марафон. Вера прижала пальцы к губам, всё ещё ощущая фантомное давление его губ. Он смотрел на неё расширенными зрачками, и она поняла, что он так же потрясён, как и она.

— Это было... не так, — произнесла она сбивчиво. — Не так, как тогда. Тогда было легче. Светлее. Мы не знали, что ждёт впереди. А сейчас мы целовались сквозь пятнадцать лет боли. И это было...

— Лучше, — закончил он за неё. — Или хуже. Я не знаю. Я ничего не знаю, Вера. Кроме того, что этот месяц нас убьёт или воскресит. Другого не дано.

Она медленно опустилась на край кровати, всё ещё дрожа. Он остался стоять, прислонившись спиной к дверному косяку, будто не решался подойти ближе. Между ними снова легла дистанция — но теперь она была иной, заряженной, не пустой, а наполненной энергией прожитого мгновения.

— Расскажи мне, — попросила она тихо, — что ты чувствовал тогда, в две тысячи восьмом? Только честно. Не то, что мы говорим в «воспроизведении», а то, что было на самом деле. Это ведь входит в правила? Мы же должны понимать, что происходило внутри.

Андрей потёр переносицу — привычный жест, означавший, что он подбирает слова. За окном шумел дождь, и по стеклу бежали извилистые струйки, похожие на слёзы.

— Я чувствовал ужас, — сказал он наконец. — Дикий, панический ужас. Я ведь тогда только развёлся с Леной, прошло меньше года. Я поклялся себе, что больше никогда не женюсь, не влюблюсь, не привяжусь ни к кому. А тут — ты. С твоими дурацкими замшевыми сапогами, с твоей манерой поправлять волосы, когда нервничаешь. И я понимал: всё. Пропал. После того поцелуя я пошёл к вокзалу и внутри всё пело и кричало одновременно. Я чуть не сбежал. Честное слово, хотел взять такси и уехать в аэропорт, улететь куда-нибудь в Новосибирск, где меня ждал заказ, и забыть тебя. Но не смог. Ты въелась в меня, как вирус.

Вера слушала, затаив дыхание. Она никогда этого не знала. Он всегда казался ей уверенным, спокойным, знающим, чего хочет. А оказывается, за этим фасадом скрывался страх.

— А я, — проговорила она, глядя на свои руки, лежащие на коленях, — я в тот вечер позвонила своей подруге Лизе и сказала: «Кажется, я встретила человека, от которого у меня будут дети». Представляешь? Я, которая всегда считала, что материнство — не для меня, что карьера важнее, что дети — это обуза. А тут — с первого поцелуя — я знала. Знала, что ты станешь отцом моей дочери. Я видела это так ясно, как будто мне показали фильм о будущем. И когда через три года родилась Даша, я вспомнила тот момент.

Она услышала, как он резко втянул воздух. Даша. Их дочь, которой сейчас двенадцать, и которая сейчас жила у бабушки, Вериней мамы, пока родители «решали жилищный вопрос». Девочка, которая научилась читать в четыре года, рисовать — в пять, и которая в свои двенадцать смотрела на них взрослыми, всё понимающими глазами, когда они объявили о разводе. «Я знала», — только и сказала она тогда. — «Это было понятно уже давно. Вы не кричите, не ругаетесь. Просто молчите. Это хуже всего». И эти слова стали для Веры ударом под дых.

— Она сейчас у мамы, — произнесла Вера, и голос её дрогнул. — Она думает, что мы делим мебель. А мы тут...

— Мы тут пытаемся понять, почему её родители превратились в призраков, — резко перебил Андрей. — Потому что мы должны ей хотя бы объяснение. Даша заслуживает правды. Заслуживает знать, что мы не просто «разлюбили», а что случилась какая-то поломка, которую

мы не заметили вовремя. Если мы поймём — возможно, мы сможем остаться людьми. Даже если не мужем и женой. Людьми, которые её вырастили и которые уважают друг друга.

— Ты прав, — прошептала она. — Прости. Это я так, слабость.

— Слабость — это нормально, — он оттолкнулся от косяка и подошёл к ней, сел рядом, сохраняя небольшое расстояние. — Мы пятнадцать лет строили из себя сильных. Может, в этом и проблема? Мы не позволяли себе быть слабыми друг перед другом. Боялись, что другой не выдержит, не поймёт, осудит. И в итоге накопили столько недосказанного, что оно прорвало плотину.

Вера повернула голову и посмотрела на его профиль: прямой нос, чётко очерченные скулы, морщинка меж бровей, ставшая за последние годы постоянной. Сколько раз она хотела разгладить эту морщинку пальцем, но не решалась, думая, что он отмахнётся. А может, он ждал именно этого?

— Давай ложиться, — предложил он неожиданно. — Первый эпизод завершён. Мы честно его воспроизвели и даже перевыполнили план по откровенности. Завтра будет второй день. Нам понадобятся силы.

Она кивнула. По правилам, после воспроизведения они расходились по своим углам: он — в гостиную на диван, она — в спальню. Так они жили последние полгода, ещё до официального развода. Но сегодня ей вдруг безумно захотелось, чтобы он остался. Просто лечь рядом, чувствовать тепло его тела, слышать дыхание. Не для секса — для подтверждения того, что он жив, реален, что они оба ещё существуют в одной вселенной.

— Андрей, — позвала она, когда он уже встал и направился к двери.

Он обернулся.

— Останься. Просто лежи рядом. Как раньше. Когда у нас были ночные разговоры перед сном.

Он замер, взвешивая её просьбу. На его лице отразилась внутренняя борьба. Потом он молча снял рубашку, аккуратно повесил на спинку стула — педантизм, выработанный годами, — и лёг поверх покрывала с её стороны. Она выключила ночник и легла рядом, положив голову на подушку, пропитанную запахом их общего дома. Между ними осталось пространство в несколько сантиметров — не пропасть, а скорее нейтральная полоса.

В темноте она слышала, как бьётся его сердце. Или, может быть, это её собственное гулко отдавалось в ушах.

— Второй день, — прошептала она в потолок. — Что там по списку?

— Моя бывшая жена Лена, — усмехнулся он в темноте. — Точнее, эпизод, когда я тебе о ней рассказал. И ты устроила сцену ревности, швырнула в меня пепельницей и кричала, что я никогда не разведусь с ней по-настоящему, потому что всё ещё люблю её.

— Я помню, — она натянуто улыбнулась. — Пепельница была стеклянная, тяжёлая. Ты увернулся, и она разбилась о стену. Мы потом год не могли заделать скол на обоях, и каждый раз, глядя на него, ссорились снова.

— А потом ты сказала, что это наш первый семейный шрам, и предложила оставить.

— Да, — она вздохнула. — Скол до сих пор там, за книжным шкафом. Я иногда на него смотрю.

— Значит, завтра будем воспроизводить ревность и битьё посуды? — в его голосе прозвучала ирония, но сквозь неё пробивалась тревога. — Я не хочу, чтобы ты снова швырялась предметами. У нас мало уцелевшей посуды.

— Купим пластиковую, — ответила она. — Или будем бить что-то небьющееся. Подушками, например.

— Подушками сцену ревности не изобразить, — он повернулся на бок, и она почувствовала его взгляд на своём лице. — Придётся найти реквизит. Или просто проговорить. Мы же не обязаны дословно воспроизводить бытовое насилие. Важно воссоздать чувства, так?

— Чувства, — повторила она задумчиво. — Тогда я чувствовала страх, что ты всё ещё принадлежишь ей. Что я — всего лишь замена, временная фигура, пока ты не вернёшься к прежней жизни. Лена была красивая, успешная, у неё была своя галерея, она вращалась в богемных кругах. А я — редактор из провинции, с амбициями и без связей. Я дико комплексовала.

— Ты никогда мне этого не говорила.

— Мы вообще мало говорили о том, что чувствуем, — она прикрыла глаза, и перед внутренним взором проплыли вереницы недосказанных фраз, накопившихся за пятнадцать лет. — Мы говорили о кредитах, об отпуске, о школе для Даши, о ремонте. Но никогда — о том, что у нас внутри. Я думала, что ты сам должен понимать. Ты думал, что я сама должна понимать. И мы играли в молчанку, пока не разучились слышать друг друга.

— Может, этот договор — наш последний шанс научиться? — спросил он, и в его голосе было столько надежды, что у неё сжалось сердце.

— Может быть, — ответила она. — Или последний шанс добить друг друга окончательно. Посмотрим.

Они замолчали. Дождь за окном стих, и в тишине стало слышно, как посапывает старый холодильник на кухне, как шумит вода в трубах, как ухает филин где-то в парке напротив. Квартира жила своей жизнью, наполненная отголосками прошлого. Вера вдруг явственно представила, как они въехали сюда — молодые, полные планов; как красили стены в гостиную в цвет «кофе с молоком» и перемазались краской с ног до головы; как впервые привезли из роддома Дашу, крохотный свёрток, и положили в кроватку, собранную Андреем по инструкции за три бессонные ночи; как учили дочь делать первые шаги, и она топала от дивана к креслу, а они сидели на корточках, раскрыв объятия, и мир сужался до этого треугольника — папа, мама, малыш. Где потерялось это ощущение команды? Когда их «мы» превратилось в «я» и «он»?

Она заснула незаметно, под мерное дыхание Андрея, который тоже провалился в сон. Им обоим снился снег — мокрый, ноябрьский снег, падающий в чёрную воду канала и исчезающий без следа. Только теперь они стояли не на набережной, а в пустой спальне, и снег шёл сквозь потолок, заметая кровать, подушки, их самих. Они пытались что-то сказать друг другу, но слова замерзали в воздухе и падали к ногам ледяными кристаллами, а потом и вовсе таяли, не долетев до адресата.

Проснулась Вера от того, что в окно било солнце — яркое, неожиданное после вчерашнего ненастья. Часы показывали восемь утра. Андрея рядом не было, но на его подушке осталась вмятина, а на тумбочке стояла чашка с остывшим кофе и записка, написанная знакомым каллиграфическим почерком: «Ушёл в офис. Вернусь к шести. Вечером — эпизод №2. Купил пепельницу. Не стеклянную. А.»

Она улыбнулась, представив, как он выбирает пепельницу в хозяйственном магазине, и улыбка получилась растерянной, почти детской. Затем накатило привычное утреннее ощущение пустоты, но теперь оно было сдобрено странным привкусом — ожиданием. Чего? Нового вечера. Нового возвращения в прошлое. Впервые за долгое время ей хотелось, чтобы день прошёл быстрее.

Она встала, умылась, приготовила себе завтрак. В почтовом ящике обнаружилось уведомление от налоговой — рутина, никуда не девшаяся. Ответила на несколько рабочих писем (она всё ещё числилась редактором в издательстве, хотя после сокращения перешла на фриланс). Позвонила маме, поговорила с Дашей. Дочь, услышав её голос, оживилась: «Мам, ты как? Папа звонил, сказал, что вы ремонт затеяли. Это правда?» Вера опешила, но быстро нашлась: «Да, милая, небольшой косметический. Решили обновить кое-что». «Это хорошо, — ответила Даша с мудростью двенадцатилетнего подростка. — Может, и отношения обновите». Вера проглотила ком в горле. «Посмотрим», — только и смогла выдавить она.

Весь день она провела как в тумане, машинально выполняя дела, а мысли постоянно возвращались к вчерашнему вечеру. К поцелую. К тому, как они уснули рядом, не касаясь друг друга, но ощущая присутствие. К договору, лежащему в ящике стола в гостиной — Андрей аккуратно сложил его в папку с надписью «Проект: Реконструкция». Теперь это действительно напоминало архитектурный проект, только предметом реконструкции были не бетонные перекрытия, а их души.

Ближе к шести она приняла душ, переоделась в домашнее — но на этот раз выбрала не бесформенный халат, а мягкое трикотажное платье, которое когда-то нравилось ему. Зачем? Она сама не знала. Может быть, чтобы соответствовать эпизоду? Эпизод с ревностью — там она была в его старой рубашке, которую он забыл у неё после первой ночи. Она помнила: он тогда застал её в этой рубашке, когда вернулся за ключами, и сцена ревности, как ни странно, закончилась примирением в коридоре. Но в спальню она всё равно вошла в своём.

Ровно в девять, как и вчера, Андрей открыл дверь. В руках у него была небольшая коробочка. Он поставил её на комод и извлёк на свет пепельницу из толстого стекла, но не прозрачного, а матового, молочно-белого.

— В точности такую я не нашёл, — сказал он виновато. — Та была зелёная, из муранского стекла. Но эта тоже тяжёлая. Если бросишь — может убить.

Вера нервно рассмеялась.

— Я не буду бросать. Я уже не та истеричная девчонка. Мы же договорились — воспроизводим эмоцию, но без членовредительства.

— Эмоция, — он задумчиво повертел пепельницу в руках. — Ревность. Обида. Страх. Гнев. Тогда ты кричала, что я люблю Лену, что я никогда не делал для тебя того, что делал для неё, что наш роман — жалкая попытка забыться. И я сорвался. Накричал в ответ. Сказал, что Лена хотя бы не устраивает сцен, что она умеет держать лицо, что ты — неврастеничка.

— А я запустила пепельницей, — продолжила Вера. — Ты увернулся. Пепельница — в стену. Ты схватил меня за плечи, встряхнул. Я заплакала. Ты стал целовать мои слёзы. И мы...

— Да, — перебил он, краснея. — Это была наша первая крупная ссора и первое бурное примирение. После неё мы поехали в ЗАГС подавать заявление. Казалось, что если мы смогли пройти через такое — значит, точно предназначены друг другу.

— Мы тогда думали, что ссоры укрепляют брак, — Вера присела на кровать, поджав ноги. — Что страсть не может существовать без конфликтов. Но мы ошибались. Ссоры не укрепляют. Они накапливаются, как мины, и потом взрываются, когда ты меньше всего ждёшь.

— Хватит анализа, — мягко остановил он её. — Давай попробуем войти в тот день. Восьмое марта, две тысячи девятого года. Я вернулся от Лены, мы случайно столкнулись в кафе, она передала мне какие-то документы на развод. Ты ждала меня дома с ужином, на столе стояли тюльпаны. Я вошёл, и ты сразу всё поняла по моему лицу.

Она кивнула, и комната словно поплыла, теряя современные очертания. Перед внутренним взором возникла их первая съёмная квартира — тесная кухня в «сталинке» на Обводном, жёлтые занавески в ромашках, которые она сшила сама, запах жареной курицы и её духов «Шанель №5», подаренных им на день рождения. Она тогда стояла у плиты в его старой клетчатой рубашке, накинутой на голое тело, и перемешивала салат. Увидела его лицо — и всё поняла. Не умом — телом. Внутри что-то оборвалось и полетело в пропасть.

— Ты был с ней, — произнесла она вслух, воссоздавая ту давнюю фразу, и голос её дрогнул, как дрогнул тогда, наполняясь слезами. — Ты был с Леной. Я чувствую её запах на тебе.

— Мы просто пили кофе, — ответил Андрей, и она поразилась, как точно он воспроизвёл ту интонацию: раздражённую, оборонительную, чуть виноватую. — Она передала мне бумаги из БТИ на квартиру. Это всё.

— Кофе не пахнет гардениями, — Вера медленно подошла к воображаемому комоду (в реальности — к трюмо), взяла в руки пепельницу — настоящую, матовую, прохладную на ощупь. — Её духи — «Марк Джейкобс», я знаю этот запах. Он остался на твоём пиджаке. Ты обнимал её?

— Она сама обняла меня на прощание! Это ничего не значит!

— Ты всё ещё с ней! — она повернулась, и в её глазах действительно блеснули настоящие слёзы — потому что, воспроизводя ту сцену, она вдруг пережила её заново, со всей яркостью первой боли. — Ты никогда не разведёшься с ней по-настоящему. Она всегда будет между нами — твоя идеальная, взрослая, понимающая Лена!

Она швырнула пепельницу — но не в него, а в сторону, в стену, туда, где когда-то образовался скол. Пепельница ударилась о штукатурку и отскочила, упав на ковёр, не разбившись. Глухой стук разнёсся по комнате.

Андрей, следуя роли, резко сократил дистанцию, схватил её за плечи — сильно, как тогда, до синяков.

— Не смей! — рявкнул он. — Не смей сравнивать себя с ней! Ты — не замена, пойми ты! Лена — прошлое, с которым я разбираюсь. А ты — моё настоящее. И если ты не прекратишь истерику, ты станешь моим прошлым тоже!

— Так сделай меня прошлым! — крикнула она ему в лицо. — Отпусти! Уходи к своей галеристке, к её духам и понимающему взгляду!

И тогда он сделал то, чего не было в сценарии, но что неудержимо диктовала логика момента: он поцеловал её. Не так, как вчера — нежно и осторожно, а грубо, почти агрессивно, вдавливая в себя, сминая её сопротивление. И она ответила с той же яростью, смешанной с желанием, потому что в тот момент ревность и страсть сплелись в один огненный ком. Они рухнули на кровать, срывая друг с друга одежду, и дальнейшее было чистым безумием, в котором не осталось ни прошлого, ни настоящего — только два тела, говорящие на древнем, до-словесном языке.

Позже, когда дыхание выровнялось и сердце перестало колотиться где-то в горле, они лежали, переплетённые, как корни старых деревьев, и Вера смотрела в потолок, чувствуя, как горячие дорожки слёз текут по вискам в волосы. Это не было запланировано. Они нарушили собственное правило — не переходить к физической близости, если это не предусмотрено эпизодом. Но эпизод сам толкнул их в эту бездну. Или они сами хотели этого, прикрываясь договором.

— Прости, — прошептал Андрей, не открывая глаз. — Я не должен был. Это нарушение протокола.

— К чёрту протокол, — ответила она, и голос её был пуст. — Мы пятнадцать лет живём по протоколам. Может, именно поэтому мы здесь.

Он приподнялся на локте и заглянул ей в лицо. В его взгляде читалась мука.

— Я всё ещё люблю тебя, — сказал он. — И это самое страшное. Потому что я не знаю, что с этой любовью делать. Мы разрушили всё, что можно, а она всё равно жива. Как паразит. Или как бессмертное сердце, которое бьётся под руинами.

Она молчала. Слова застревали в горле. Потому что она тоже любила его — и ненавидела за эту любовь, за то, что она делала её уязвимой, за то, что не могла просто взять и уйти, хлопнув дверью.

— Мы должны продолжать, — наконец произнесла она, садясь и прижимая к груди скомканную простыню. — Если остановимся сейчас — всё зря. Мы не получим ответов.

— Да, — он тоже сел и потянулся за одеждой. — Завтра — третий день. Две тысячи десятый год. Мы узнаём, что ждём Дашу. Ты плачешь от счастья, я ношу тебя на руках по всей квартире.

— Это будет светлый эпизод, — она попыталась улыбнуться. — После сегодняшнего нам нужен свет.

Он оделся и, прежде чем выйти, наклонился и поцеловал её в макушку — целомудренно, почти по-отцовски. Этот поцелуй сказал больше, чем все слова. В нём было обещание — пройти этот путь до конца, каким бы тернистым он ни был.

Оставшись одна, Вера долго сидела в постели, глядя на матовую пепельницу, сиротливо лежащую на ковре. Потом встала, подняла её и поставила на комод, рядом со списком эпизодов. Двадцать восемь пунктов. Двадцать восемь дверей в прошлое. Они открыли две. До финала ещё далеко, но уже сейчас она чувствовала, как меняется воздух вокруг них — становится плотнее, насыщеннее, опаснее. Границы между тем, что было, и тем, что есть, действительно начинали стираться. И кто знает, кем они выйдут из этого эксперимента — воскресшими или окончательно сломленными.

Она подошла к окну, отдернула штору. Ночное небо было чистым, усыпанным звёздами — редкое зрелище для октября в их широтах. Где-то там, за горизонтом, лежало будущее. Их общее или отдельное — пока неясно. Но впервые за долгие месяцы она чувствовала не пустоту, а трепет. Трепет перед неизвестностью, в которой была надежда.

Где-то в гостиной тихо играло радио, и до неё донеслись слова песни, старой, полузабытой: «Всё ещё будет, всё ещё будет, всё ещё будет у нас...» Она усмехнулась. «Посмотрим», — прошептала она, обращаясь то ли к себе, то ли к звёздам, то ли к человеку, спавшему за стеной.

Эксперимент продолжался. И где-то в его глубине, под пеплом пятнадцати лет, возможно, ещё тлел уголёк. Достаточно было одного дуновения, чтобы он разгорелся в пламя. Или чтобы погас навсегда.

Но это будет завтра.

Глава 2. Две полосы

Утро началось с тишины — но совсем не такой, как вчера. Та тишина была ватной, мёртвой, пропитанной страхом и ожиданием неизбежного. Сегодняшняя тишина, наполнявшая квартиру в восемь часов утра, была иной: она дышала, пульсировала, в ней слышалось эхо прошедшей ночи — шёпот кожи, сбивчивое дыхание, сдавленный крик, сорвавшийся с губ, когда границы рухнули и они перестали быть двумя отдельными вселенными, на мгновение слившись в одну.

Вера проснулась с ощущением, будто всё тело помнит каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждую царапину, оставленную на спине его ногтями в порыве той самой яростной, исступлённой страсти, которую она считала похороненной под пеплом пятнадцати лет. Она лежала, раскинувшись на смятых простынях, и смотрела на потолок, где утренний свет рисовал причудливые узоры — отражение ветвей тополя, качавшихся за окном. Тело ныло сладкой, давно забытой болью. Где-то в области сердца тоже ныло, но иначе: это была боль растерянности, смешанная со смутным, ещё не оформленным в слова предощущением катастрофы или спасения. Она не знала, как назвать то, что происходило между ними. Они развелись. Они заключили абсурдный договор. Они прожили два эпизода из двадцати восьми и уже нарушили собственные правила, переспав не по сценарию — потому что сценарий треснул под напором эмоций, как дамба, не выдержавшая паводка.

Она села в постели, прижимая одеяло к груди. Рядом, на соседней подушке, снова лежала записка. На этот раз — без чашки кофе (наверное, он торопился), но с неизменным архитектурным почерком, выведенным чёрной гелевой ручкой на листке, вырванном из блокнота: «Буду в семь. Подготовь, пожалуйста, что-нибудь из старой одежды, в чём ты ходила до родов. Это важно для атмосферы. Купил тест на беременность. Шучу. Или нет. Увидимся вечером. А.»

Она хмыкнула, представив, как он покупает тест в аптеке, краснея и пряча глаза от фармацевта. Хотя нет — Андрей никогда не краснел и не прятал глаза. Он был человеком, который и в аптеку за тестом на беременность зашёл бы с видом Наполеона, осматривающего поле боя перед решающей атакой. Это её всегда в нём восхищало — и одновременно раздражало. Уверенность, граничащая с самоуверенностью. Способность сохранять лицо в любой ситуации. В юности она считала это признаком силы. Теперь, после пятнадцати лет брака, она знала, что за этой бронёй скрывается та же хрупкость, что и у всех смертных.

Она откинула одеяло и встала, стараясь не думать о том, как ноет внизу живота. Надо принять душ, выпить кофе и заняться подготовкой к третьему эпизоду. По списку: две тысячи десятый год, январь. Они узнают, что ждут ребёнка. Одна из немногих сцен в их хронологии, которая была чистой, незамутнённой радостью. По крайней мере, в начале.

В ванной, стоя под горячими струями, она разглядывала своё отражение в запотевшем зеркале. Сорок два года — не возраст, но тело помнило и беременность, и роды, и бессонные ночи, и годы сидячей работы в издательстве. Она провела ладонью по животу, чуть более округлому, чем хотелось бы, по бёдрам, на которых серебрились тонкие полосы — растяжки, карта материнства. Андрей когда-то называл их «лунными дорожками» и целовал каждую. Когда это было? Кажется, после рождения Даши, когда она комплексовала из-за изменившейся фигуры, а он вставал на колени и доказывал ей — словом, прикосновением, взглядом, — что она прекрасна. Он умел это делать. Умел любить так, что она чувствовала себя богиней. Куда это ушло? Когда слова перестали достигать адресата?

Она вытерлась полотенцем, накинула халат и прошла на кухню. Там, на столе, уже стояла турка с остывшим кофе — очевидно, он всё-таки сварил, но не решился нести в спальню, чтобы не разбудить. Рядом лежала записка номер два, наспех нацарапанная на салфетке: «Не выкидывай гушу. Попробую вечером погадать. Вдруг увижу наше будущее». Вера усмехнулась.

Гадание на кофейной гуще было их старой традицией, зародившейся в первый год брака. Они тогда жили в съёмной квартире, где из посуды были две чашки, одна сковородка и турка, подаренная коллегами на свадьбу. По выходным они варили кофе, выпивали его, сидя на подоконнике, потому что стола ещё не купили, а потом опрокидывали чашки на блюдца и пытались разглядеть в разводах очертания грядущего. Он видел исключительно архитектурные формы — арки, колоннады, своды; она — животных и птиц. И оба смеялись, потому что будущее казалось светлым и нестрашным.

Она допила то, что осталось в турке (холодный кофе, горький и терпкий), и отправилась в кладовку — искать одежду. Та самая кладовка, которую они называли «капсулой времени»: здесь хранились коробки с вещами, которые жалко выбросить, но и пользоваться уже не будешь. Старые пластинки, купленные на блошином рынке в Праге. Дашины рисунки из детского сада. Сломанный зонт, под которым они прятались от ливня в Париже. И одежда — та самая, из прошлой жизни.

Она нашла нужную коробку на верхней полке, под слоем пыли. Надпись маркером: «Вера, до 2015». Открыв её, она вдохнула запах нафталина, смешанный с чем-то неуловимым — остатками духов, пота, воспоминаний. Сверху лежало то самое платье — простое, трикотажное, василькового цвета, которое она носила в первый год брака, когда ещё не знала о беременности, но уже подозревала. Платье было мягким на ощупь, чуть выцветшим от стирок, но всё ещё хранившим форму её тела — более худого, более юного, ещё не познавшего материнства.

Она прижала платье к лицу и вдруг отчётливо, до дрожи, вспомнила тот январский день две тысячи десятого года. Утро, похожее на сегодняшнее: солнце, морозные узоры на окнах их первой съёмной квартиры, пар от горячего чайника. Она стоит в ванной, сжимая в руке пластиковую палочку теста, и сердце колотится так, что, кажется, сейчас выпрыгнет из груди и улетит в форточку. Задержка — уже неделя. Грудь налилась и болела. Тошнота по утрам. Все признаки были налицо, но она боялась поверить. Они не предохранялись, но и специально не планировали — думали, что «как получится». И вот, кажется, получилось.

Она помнила, как дрожали пальцы, когда она доставала тест из упаковки. Как засекала минуты на стареньком мобильном телефоне, раскладной «раскладушке», которая сейчас кажется артефактом каменного века. Как сидела на краю ванны и считала секунды, и каждая секунда была вечностью. А потом — две полоски. Яркие, чёткие, неоспоримые. Две полоски, которые делили жизнь на «до» и «после». Она не заплакала — она рассмеялась. Смеялась тихо, истерично, зажимая рот ладонью, чтобы не разбудить Андрея, который спал после ночной смены (тогда он ещё работал в мастерской и часто брал подработки). Смеялась и смотрела на тест, и внутри росло, ширилось, распускалось огромное, невероятное счастье.

А потом она надела это самое васильковое платье — первое, что попало под руку, — и вышла в комнату. Он проснулся от её шагов, приподнялся на локте, сонный, взъерошенный, с отпечатком подушки на щеке. Посмотрел на неё — и, кажется, всё понял без слов. Потому что она улыбалась так, как не улыбалась никогда в жизни. «У нас будет ребёнок», — сказала она. И он, не сказав ни слова, вскочил с кровати, подхватил её на руки и закружил по комнате, а она визжала и колотила его по плечам, требуя отпустить, потому что «тебе спину нельзя, у тебя радикулит!». А он смеялся и говорил, что теперь ему вообще ничего нельзя, кроме как носить её на руках всю оставшуюся жизнь.

Вера отложила платье и вытерла набежавшие слёзы. Слишком ярко. Слишком больно. Почему самые счастливые воспоминания причиняют самую острую боль? Может быть, потому, что они — доказательство того, что ты потерял.

Она продолжила рыться в коробке. Для сегодняшнего эпизода нужно было что-то ещё — детали, создающие антураж. Старый плеер с наушниками, в которых они слушали музыку, прижавшись друг к другу. Фотография с первого ультразвукового исследования — крошечный

горошек на чёрно-белом снимке, в котором угадывались очертания будущей дочери. Стеклянная баночка из-под детского питания, купленная заранее, ещё до рождения Даши, — он тогда притащил целую упаковку и торжественно водрузил на кухне со словами: «Готовим плацдарм». И ещё — её старый ежедневник за две тысячи десятый год, потрёпанный блокнот в кожаной обложке, где она записывала свои мысли, страхи, планы.

Она открыла ежедневник наугад. Запись от двенадцатого февраля: «Боже мой, я стану матерью. Я всё ещё не могу в это поверить. Сегодня первый раз почувствовала тошноту не только по утрам, а весь день. Андрей принёс имбирь и лимон — говорит, помогает. Целует живот и разговаривает с малышом. Называет его Горошиной. Я счастлива. И мне страшно. Вдруг я не справлюсь? Вдруг он разлюбит меня, когда я стану толстой и неуклюжей? Вдруг мы не будем хорошими родителями? Но когда он кладёт руку на мой живот, все страхи уходят. Рядом с ним я чувствую себя защищённой».

Она захлопнула ежедневник. Защищённой. Когда она перестала чувствовать себя защищённой? Когда он перестал быть её крепостью? Может быть, тогда, когда сама стала возводить стены — по кирпичику, незаметно, год за годом. И крепость превратилась в тюрьму для двоих.

День прошёл в хлопотах и странном, почти забытом волнении — как перед свиданием. Вера поймала себя на том, что тщательнее обычного выбирает бельё, хотя для эпизода №3 интимная близость не планировалась (по крайней мере, в сценарии). Но после вчерашнего она уже не доверяла сценариям. Она сделала лёгкий макияж, уложила волосы так, как носила в две тысячи десятом — мягкие волны, падающие на плечи. Надела васильковое платье, и, глядя на себя в зеркало, почти увидела ту Веру — двадцатисемилетнюю, с горящими глазами, ещё не тронутую цинизмом и усталостью. Только морщинки в уголках глаз и серебряные нити в волосах выдавали настоящее.

Андрей вернулся в семь, как и обещал. Она услышала, как поворачивается ключ в замке, и сердце предательски ёкнуло — совсем как в те годы, когда она ждала его с работы, и каждый его приход был маленьким праздником. Он вошёл, держа в руках букет белых тюльпанов — тех самых, что она любила в начале их брака. Увидев её в васильковом платье, он замер на пороге, и на его лице отразилась целая гамма чувств: удивление, нежность, боль, восхищение.

— Ты... та самая, — произнёс он хрипло. — Как в две тысячи десятом. Только ещё красивее.

— Лесть тебе не поможет, — ответила она, но улыбнулась, принимая цветы. — Тюльпаны зимой? Где ты их достал?

— Цветочный магазин у метро, — он снял пальто и повесил на вешалку. — Сказали, привезли из Голландии. Я вспомнил, что дарил тебе такие же на каждый праздник, пока не переключился на розы. Ты как-то сказала, что розы — это слишком официально, а тюльпаны — живые и настоящие. Я запомнил.

— Ты много чего запомнил, — она поставила цветы в вазу и принялась их расправлять, чтобы не смотреть ему в глаза. — Удивительно, сколько деталей хранится в голове, когда думаешь, что всё забыто.

— Я ничего не забыл, Вера. — Он подошёл сзади и положил руки ей на плечи. — Я помню каждый день. Каждый твой жест. Каждое слово. Просто я разучился об этом говорить. Или мне казалось, что это уже не нужно. Что мы и так всё знаем друг о друге.

— Это была наша главная ошибка, — она обернулась и посмотрела на него в упор. — Мы решили, что знаем друг друга. А человек меняется каждый день. И если ты перестаёшь спрашивать, перестаёшь интересоваться — ты теряешь его. Не сразу. Постепенно. Как теряют зрение — сначала чуть хуже видишь в сумерках, потом перестаёшь различать лица, потом — только силуэты, а потом — тьма.

Он сжал её плечи чуть сильнее.

— Сегодняшний эпизод — он про свет. Про то, как мы узнали о Даше. Мне кажется, нам нужен этот свет. После вчерашнего.

— Да, — согласилась она. — Только я боюсь, что этот свет сделает темноту ещё более невыносимой. Контраст, знаешь ли. Когда вспоминаешь абсолютное счастье, а потом возвращаешься в руины.

— Может быть, руины можно отстроить заново? — тихо спросил он. — Я архитектор, в конце концов. Это моя работа.

— Архитектор проектирует новые здания. А реконструкцией занимаются реставраторы. И то не всегда успешно, — она высвободилась из его объятий и прошла к столу, где уже были разложены принесённые из кладовки артефакты. — Давай попробуем. До девяти ещё час. Я приготовила ужин — лёгкий, как тогда, потому что меня тошнило от всего жареного. Овощной суп и салат.

Он кивнул, и они сели ужинать. За столом говорили мало, но молчание уже не было напряжённым — скорее, задумчивым. Каждый обдумывал предстоящий вечер. Когда стрелки часов приблизились к девяти, они, не сговариваясь, встали и направились в спальню.

Вера зажгла свечи — не ароматические, а самые простые, белые парафиновые, как тогда, когда у них не было денег на декор, но хотелось создать атмосферу. Андрей включил старый плеер, найденный в коробке, и из динамиков полилась мелодия — та самая, что звучала в их первую зиму: «Адажио» Альбини, которое они называли «нашим гимном». Комната наполнилась звуками скрипок, и Вера на мгновение перенеслась в прошлое так явственно, что закружилась голова. Она увидела их съёмную квартиру, услышала шум воды в старых трубах, почувствовала запах масляной краски (соседи делали ремонт) и влажных тюльпанов, стоящих на подоконнике.

— Январь, две тысячи десятый, — произнёс Андрей ритуальную формулу начала эпизода. — Утро. Ты вышла из ванной в этом платье, и у тебя было такое лицо... я сразу всё понял.

— Я ничего не сказала, — она встала напротив него, как тогда, сжимая в руке воображаемый тест (настоящий она не стала покупать — не смогла заставить себя). — Я просто смотрела на тебя и улыбалась. А ты лежал в постели, сонный, и не понимал, почему я сияю, как начищенный самовар.

— А потом ты сказала... — он шагнул к ней и взял за руки.

— У нас будет ребёнок, — она произнесла эти слова, и голос её предательски дрогнул. Потому что сейчас, в контексте настоящего, они звучали иначе — не как объявление о чуде, а как воспоминание о чуде, которое уже случилось, выросло и превратилось в двенадцатилетнюю девочку, живущую у бабушки и рисующую мрачные картины в альбоме.

— У нас будет ребёнок, — повторил он, и по его щеке скатилась слеза — почти так же, как в первый раз, только тогда это были слёзы счастья, а теперь... кто знает. — Ты серьёзно?

— Две полоски, — она кивнула, и слёзы уже текли по её лицу, размывая тщательно нанесённую тушь. — Я сделала тест. Две полоски, Андрей. Мы станем родителями.

Он подхватил её на руки — так же, как тогда, только теперь это далось ему тяжелее, всё-таки не тридцать лет, а сорок пять, и спина действительно болела. Но он сделал это, закружил её по комнате, и она, как тогда, засмеялась сквозь слёзы и заколотила его кулаками по плечам:

— Отпусти, сумасшедший! У тебя радикулит, ты забыл?

— К чёрту радикулит! — ответил он точь-в-точь как тогда, и его голос звенел от переполнявших эмоций. — У меня будет дочь! Или сын! Но лучше дочь! Маленькая Вера, с твоими глазами и моим упрямством!

— Почему это твоим упрямством? — она смеялась, пока он опускал её на кровать и садился рядом. — Может, у неё будет моё упрямство? Я тоже упрямая, знаешь ли.

— Знаю, — он взял её лицо в ладони и поцеловал в лоб. — Именно поэтому я на тебе женился. Упрямая, красивая, талантливая. И теперь ещё и мама. Моя жена — мама. Вера, ты представляешь? Мы — семья. Настоящая семья.

— Мы и так были семьёй, — прошептала она, прижимаясь щекой к его ладони.

— Теперь — по-настоящему. С продолжением. С наследником. С новым смыслом.

Они замолчали, слушая «Адажио» и глядя друг на друга. Свечи мерцали, отбрасывая на стены причудливые тени. Вера чувствовала, как внутри борются два чувства: огромная, всепоглощающая нежность к этому мужчине, который когда-то был для неё всем, — и колючая, ледяная горечь от понимания, что всё это в прошлом. Что та девочка, которую они так ждали, уже выросла. Что та семья, которую они строили, дала трещину. Что слова «мы — семья» больше не имеют прежней силы.

— Скажи мне, — попросила она, нарушая молчание, — что ты чувствовал тогда на самом деле? Кроме радости. Я знаю, что была радость, но было ли что-то ещё?

Он задумался, глядя на огонь свечи. Пламя отражалось в его зрачках, делая их золотистыми.

— Страх, — сказал он наконец. — Дикий, животный страх. Я лежал тогда, слушал, как ты плещешься в ванной, и думал: «Господи, я стану отцом. Я отвечаю теперь не только за себя и за неё, но и за это крошечное существо, которое ещё даже не родилось. А вдруг я не справлюсь? Вдруг я буду плохим отцом? Вдруг я повторю ошибки своего отца?» Ты же знаешь, у меня с ним были сложные отношения. Он был холодным, требовательным, никогда не говорил, что любит меня. Я боялся стать таким же.

— Ты не стал, — Вера взяла его руку и переплела свои пальцы с его. — Ты был замечательным отцом. Даше с тобой повезло. Ты читал ей книжки, когда она ещё была в животе. Ты гулял с ней по ночам, когда у неё резались зубы. Ты учил её кататься на велосипеде. Ты никогда не был холодным.

— А потом я стал отсутствующим, — горько усмехнулся он. — Когда начались проблемы на работе, когда я ушёл в свои проекты с головой, я стал призраком в собственном доме. Ты тащила всё на себе: дом, дочь, мои нервы. И я этого даже не замечал.

— Я тоже хороша, — она покачала головой. — Я тоже замечала не всё. Я была так погружена в свою жертвенность, в свою роль «сильной женщины», что не оставила места для тебя. Я перестала просить помощи, перестала делиться страхами. Ты не мог пробиться через мою броню, а я — через твою занятость. Мы оба виноваты.

Свеча затрещала, и они вздрогнули. «Адажио» закончилось, и плеер затих, оставив в комнате лишь звук их дыхания.

— Помнишь, что было дальше в тот день? — спросил он. — После того, как ты сказала про тест?

— Мы поехали в женскую консультацию, — улыбнулась она воспоминанию. — Без записи, без полиса, просто ворвались в кабинет к первой попавшейся врачихе, и ты с порога заявил: «Моя жена беременна, примите нас немедленно!» Врачиха посмотрела на тебя как на сумасшедшего, но приняла. Подтвердила беременность. Сказала: «Поздравляю, папаша. Готовьтесь к бессонным ночам и счастливым дням». А ты потом всю дорогу домой повторял: «Папаша. Я — папаша. Надо же, папаша».

— Я чувствовал себя королём, — Андрей рассмеялся, и смех этот был тёплым, почти прежним. — Я готов был орать на весь автобус: «Люди! У меня будет ребёнок!» Но ты меня останавливала, шикала, говорила, что ещё рано объявлять, что надо дожидаться трёх месяцев. А я уже всем своим коллегам разболтал. Даже курьеру, который приносил нам чертежи.

— Да, я помню, — она тоже рассмеялась. — Ты ещё сказал, что назовём ребёнка Фёдором, в честь Достоевского. А я сказала, что Фёдор — это ужасно старомодно, и что если будет

девочка, то назовём Дарьей, в честь моей бабушки. И ты согласился. Ты всегда со мной соглашался в важных вещах.

— Потому что ты всегда была права, — он поднёс её руку к губам и поцеловал. — Кроме тех случаев, когда ты была не права. Но тогда я с тобой спорил.

— Мы редко спорили в начале, — задумчиво сказала она. — Мы вообще были удивительно синхронны. Как будто один организм в двух телах. Помнишь, как мы одновременно произносили одну и ту же фразу? Нас это пугало и восхищало. Мы думали, что это знак. Что мы созданы друг для друга.

— Может, так и было, — тихо ответил он. — Может, и сейчас так. Просто мы забыли, как быть одним целым. Нас слишком долго разъедала повседневность. Работа, быт, обязательства, усталость. Мы перестали разговаривать о важном, а потом перестали разговаривать вообще. Помнишь, когда наступил момент, что мы сидели за ужином и не знали, о чём говорить?

— Помню, — она помрачнела. — Это было где-то после десяти лет брака. Даша пошла в школу, у меня начались проблемы с издательством, у тебя — кризис в мастерской. Мы приходили домой, ужинали, мыли посуду и расходились по углам. Я — в спальню с книжкой, ты — в гостиную, к телевизору. И это казалось нормальным. Мы думали, что это зрелость. Что страсть не может длиться вечно, а на смену ей приходит спокойное партнёрство. Но это была не зрелость. Это было угасание.

— Я думал, что тебе так удобнее, — признался он. — Что тебе не нужны мои разговоры, мои приставания, мои попытки растормошить. Ты казалась такой самодостаточной. Я боялся навязываться.

— А я думала, что тебе неинтересно, — её голос сорвался. — Что я стала для тебя просто функцией: жена, мать, домработница. Что ты видишь во мне не женщину, а обслуживающий персонал. И от этого я закрывалась ещё больше. Замкнутый круг.

— Мы оба дураки, — констатировал он с грустной усмешкой. — Два умных, образованных, взрослых дурака, которые не смогли сказать друг другу: «Мне плохо. Мне одиноко. Обними меня».

— Мы говорим это сейчас, — она подвинулась ближе и положила голову ему на плечо. — Может, ещё не поздно?

Он обнял её, и они сидели так долго, слушая тишину и шёпот дождя, который снова зарядил за окном. Свеча догорала, и комната погружалась в мягкий полумрак. Вера чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, сильно, успокаивающе. Когда-то этот звук был лучшей колыбельной для неё и для Даши. Когда-то под этот стук она засыпала безмятежно, зная, что она под защитой.

— Расскажи мне про тот день ещё, — попросил он. — Не по сценарию. Что ты чувствовала на самом деле?

— Я чувствовала, что мир перевернулся, — она прикрыла глаза, возвращаясь в прошлое. — Я стояла в ванной с этим тестом, и меня захлёстывали такие противоречивые чувства... С одной стороны — эйфория. Я хотела этого ребёнка, мечтала о нём, хотя и не признавалась себе. С другой стороны — ужас. Ведь мы только начали жить вместе, у нас не было ни денег, ни стабильности, ничего. Я боялась, что этот ребёнок разрушит то, что мы только начали строить. Что мы не выдержим нагрузки. Что ты испугаешься и уйдёшь.

— Я бы никогда не ушёл, — твёрдо сказал он.

— Я знаю. Но тогда я этого ещё не знала. Мы были вместе всего год. Я всё ещё боялась, что ты проснёшься однажды и поймёшь, что я — не Лена, не идеальная женщина, а просто я, со своими страхами и невротами. И когда ты так бурно обрадовался, когда начал кружить меня по комнате и кричать про дочку, — у меня камень с души упал. Я поняла: он действительно этого хочет. Он действительно меня любит. Мы справимся.

— И мы справились, — он поцеловал её в макушку. — Первые годы были тяжёлыми, но счастливыми. Даша родилась крепенькой, здоровой. Ты была изумительной матерью. Я помню, как ты пела ей колыбельные — у тебя был такой тихий, завораживающий голос. Я стоял за дверью и слушал, и у меня слёзы наворачивались от умиления.

— А я помню, как ты впервые взял её на руки, — она улыбнулась. — У тебя было такое лицо... потерянное и восторженное одновременно. Ты смотрел на этот крошечный свёрток и, кажется, не дышал, боялся повредить. А потом она схватила тебя за палец, и ты сказал: «Она меня узнала. Смотри, Вера, она меня узнала!» И заплакал. Ты плакал в роддоме, при всех. Врачи улыбались.

— Это был самый счастливый момент в моей жизни, — глухо сказал он. — Даже счастливее, чем наша свадьба. Потому что свадьба — это про нас двоих. А рождение дочери — про то, что наша любовь обрела физическое воплощение. Продолжение. Бессмертие, если хочешь.

— Бессмертие, — повторила она и вдруг резко выпрямилась, отстраняясь. — Но мы же умираем, Андрей. Наш брак умер. Наша любовь умирала долго и мучительно. И мы здесь, потому что пытаемся понять, можно ли её воскресить или нужно честно похоронить.

— Не надо, — он схватил её за руку. — Не сейчас. Давай просто побудем в этом воспоминании. Давай позволим себе эту ночь. Без анализа, без самокопания. Просто побудем теми людьми, которые узнали, что станут родителями.

Она посмотрела на него долгим взглядом. В неверном свете догорающей свечи его лицо казалось высеченным из мрамора — красивое, мужественное, родное до боли. Она вдруг остро осознала, что завтра, через неделю, через месяц их эксперимент закончится, и ей придётся принимать решение. И это решение, каким бы оно ни было, разорвёт ей сердце.

— Хорошо, — сказала она, опускаясь обратно в его объятия. — Давай просто побудем. Расскажи мне, каким ты представлял наше будущее тогда. В две тысячи десятом.

— Я представлял большой дом, — он мечтательно улыбнулся. — Не квартиру, а именно дом. За городом. С большими окнами, с террасой, с садом. Чтобы Даша бегала по траве босиком, а мы сидели на веранде, пили чай и смотрели на закат. Я хотел построить этот дом сам. Спроектировать каждую деталь. Сделать так, чтобы в нём было много света и воздуха. Чтобы он был не просто жильём, а нашим родовым гнездом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.